

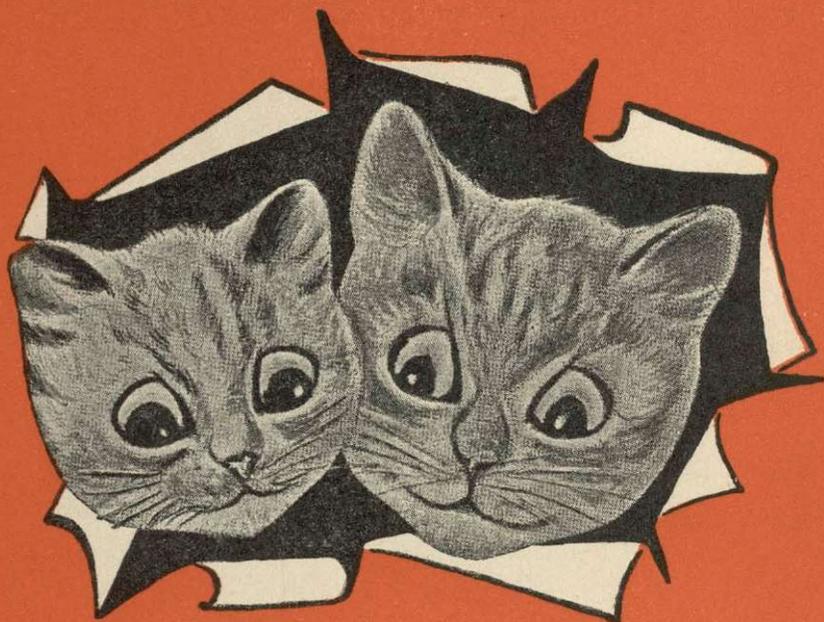
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

XVII 45
10
Годъ изданія третій

ДЕКАБРЬ

№ 4.

1909.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЕЛКА.

ДЯДЯ-ПАВЛУША (повѣсть).
ВЪ СВЯТУЮ НОЧЬ.

НА ЗАРѢ НОВОЙ ЖИЗНИ
(Историческая повѣсть).

ВЪ СОЧЕЛЬНИКЪ.

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ
И ГОЛОВОЛОМКИ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

№ 4. Декабрь, 1909.

Годъ изданія III-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Въ лѣсу зимой.

ЁЛКА.

Еще за двѣ или три недѣли
Объ ёлкѣ стали говорить...
Ребята съ ёлкой надоѣли,
Начавши рѣзать и сорить.

Они клеили картонажи
И, сдѣлавъ цѣлый ихъ запасъ,
Желали ёлку такъ, что даже,
Бѣдняжки, плакали не разъ:
— О, ёлка милая, когда-же,
«Когда тебя зажгутъ у насъ?»

Но вотъ и ёлка!.. Зажигаютъ!
— Идите, дѣти! Васъ зовутъ!
И въ залу дѣти выбѣгаютъ,
Шумятъ, танцуютъ и поютъ.

Имъ мама музыку играетъ,
Они смѣются и шалятъ,
А ёлка пышная сіяетъ,
Манитъ къ себѣ сердца ребятъ.
На ней, вверху, звѣзда блистаетъ
И свѣчи ласково горятъ.

Кузничикъ.

ДЯДЯ ПАВЛУША.

(Окончаніе).

Поселившись на мельницѣ, дядя Павлуша никого у себя не принималъ и жилъ въ полномъ уединеніи. Всегда такой добрый, ласковый и улыбающійся, онъ всякій разъ хмурилъ брови, когда кто-нибудь приходилъ къ нему и стучался къ нему въ двери. Это знали въ усадьбѣ и потому никто къ нему не приходилъ даже тогда, когда знали, что онъ хвораетъ и не выходитъ изъ дому.

А онъ, дѣйствительно, захворалъ. Несмотря на всю свою бодрость, онъ какъ-то едва дотацился изъ усадьбы къ себѣ домой и, не раздѣваясь, прямо повалился къ себѣ на постель.

— Что это со мной? подумалъ онъ.— Неужели я захворалъ?

На слѣдующій день онъ уже не вставалъ съ постели. У него появился жаръ. Въ усадьбѣ много говорили объ этомъ, дядя и тетя каждый день стали посылать къ нему нарочнаго, чтобы освѣдомиться объ его здоровьѣ, и навѣщали его и сами, но это безпокоило его и онъ просилъ ихъ оставить его одного.

— Дайте мнѣ отлежаться, говорилъ онъ имъ.— Я полежу немного и мнѣ станетъ легче.

— Но тебѣ нужно поговорить съ докторомъ, говорили ему дядя и тетя.— Мы пошлемъ за докторомъ лошадь и онъ навѣститъ тебя.

Дядя Павлуша взялъ со столика Евангеліе и показалъ его своимъ родственникамъ.

— Вотъ мой докторъ, сказалъ онъ.

Таня услышала, какъ объ этомъ разговаривали потомъ въ столовой, и дядя Павлуша сталъ для нея еще дороже.

— Это настоящій христіанинъ, сказалъ о немъ дядя *Басиловъ*.—*Я глубоко уважаю его.*

— Да, онъ прекрасный человѣкъ, отвѣтила ему тетя,—но все же безъ доктора нельзя. Онъ можетъ умереть...

Танѣ было пріятно слышать, какъ хвалили ея дядю Павлушу, но послѣдняя фраза перепугала ее. Неужели онъ дѣйствительно умретъ? Неужели она лишится этого дяди? На кого она тогда останется? Что будетъ съ нею, если онъ умретъ?

И ея душу наполнилъ страхъ.

«Что, если-бы я могла его повидать?» подумала она.

Но повидать его было невозможно, такъ какъ онъ жилъ далеко, въ двухъ верстахъ отъ усадьбы, да еще на мельницѣ, о которой говорили такъ нехорошо. И она думала о немъ цѣлые дни, онъ не выходилъ у нея изъ головы и по ночамъ и она часто горячо о немъ молилась.

Наконецъ въ столовой заговорили, что дядѣ лучше. Онъ поправился уже совсѣмъ, всталъ съ постели, но только долго еще не будетъ выходить изъ дома.

Тогда Таня рѣшилась. Она хотѣла убѣдиться сама, дѣйствительно-ли ему стало лучше? Точно такъ-же и

тогда, когда хворала въ пріютѣ одна изъ ея подругъ-сирота, о ней говорили, что ей стало лучше, а она все-таки умерла. Нѣтъ, Таня не посмотритъ ни на что, она не побоится никого и ничего и побѣжитъ на мельницу, чтобы своими собственными глазами

увидѣть дядю.
— Пусть онъ сердится на меня, сказала она самой себѣ.—Я только загляну къ нему въ щелочку и убѣгу.

И вотъ, улучивъ минуту, когда никто за ней не наблюдалъ, она вышла потихоньку за ворота и совсѣхъ ногъ пустилась по тропинкѣ на холмъ, на вершинѣ котораго стояла старая таинственная мельница. Съ каждымъ шагомъ Таня приближалась къ ней все ближе и ближе, сердце у нея билось и она боялась оглянуться назадъ, точно ожидала за собой погони.

Но вотъ мельница уже близко. Таня на вершинѣ холма. Кругомъ открывается громадный видъ и около старыхъ обветшалыхъ крыльевъ мельницы съ пискомъ рѣютъ ласточки. Заходитъ солнце и отражается въ рѣкѣ яркой лентой, протянувшейся внизу у подошвы холма. Вонъ далеко, изъ темной зелени парка, выглядываетъ бѣлый домъ усадьбы, въ которой живутъ Басиловы. Теперь вѣроятно ея уже хватились и ищутъ по парку и громко кличутъ.

— Ничего... старается она себя ободрить.—Поищутъ и перестанутъ...

Она останавливается, переводить

духъ и боится поднять глаза на мельницу. Сейчасъ она будетъ у порога дядиной квартиры.

Какъ вдругъ откуда-то, точно съ неба, до нея долетаютъ звуки какого-то струннаго инструмента. Она останавливается и, полная очарованія, начинаетъ слушать... Что это такое? Она слышала, какъ пѣла ея нянька въ пріютѣ, когда укачивала ее по вечерамъ, слышала, какъ играютъ солдаты, проходя съ музыкой

Она со всѣхъ ногъ пустилась по тропинкѣ на холмъ.

по городу, знаетъ, что такое рояль, но эти звуки были для нея чѣмъ-то новымъ, не слыханнымъ до сихъ поръ еще ни разу. Они были такіе серьезные, глубокие, такіе пріятные, проникающіе до самой глубины души и въ то-же время полные печали. И Танѣ захотѣлось вдругъ заплакать. Но музыка прекратилась, а Таня все еще стояла недалеко отъ мельницы на холмѣ, все еще ожидая, что вотъ-вотъ музыка заиграетъ

снова. Но, музыка не заиграла. Не дождавшись и боясь, какъ-бы не наступилъ вечеръ и не засталъ ее такъ далеко отъ дома, она встряхнулась, какой-то неожиданный страхъ вдругъ овладѣлъ всѣмъ ея существомъ и она со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать къ себѣ домой.

Дома она узнала, что ея не спрашивалъ никто, и рѣшила никому не говорить о своемъ путешествіи на мельницу. Но звуки музыки неотступно слѣдовали за нею всюду, куда только она ни шла, и она не выдержала наконецъ характера и сказала Борѣ:

— Говорятъ, сегодня около мельницы кто-то очень хорошо игралъ... Такъ пріятно было слушать!

— Это, должно быть, привидѣніе, отвѣчалъ ей Боря.—Крестьяне говорятъ, что тамъ кто-то иногда поетъ.

— Привидѣніе? испугалась Тоня.

— Да. Такъ, по крайней мѣрѣ, они говорятъ... А я думаю, что это просто нашъ дядя Павлуша игралъ на віолончели.

— На віолончели? удивилась Таня.—Это что-же такое «віолончель?»

— Это большая скрипка, которую ставятъ прямо на полъ и играютъ на ней смычкомъ.

— Почему-же дядя Павлуша не игралъ на ней ни разу здѣсь у насъ?

— Не знаю... Это ужъ его дѣло... Онъ очень всѣхъ насъ любитъ, рассказываетъ намъ свои интересныя исторіи, ходитъ съ нами гулять, но что касается музыки... Онъ не любитъ играть при людяхъ! И у насъ

Она подошла къ самой двери и заглянула через нее внутрь.

въ Петербургѣ онъ играетъ только тогда, когда мы всѣ уляжемся спать. Онъ говоритъ, что серьезная музыка необходима для его души такъ же, какъ и молитва.

Таня не спросила больше ничего, но сама въ душѣ рѣшила:

— Я послушаю дядю еще разъ!

И въ то-же время радость наполнила ея сердце: это игралъ онъ, ея любимый дядя, и если это, дѣйствительно игралъ сегодня онъ, то значитъ онъ сегодня ужъ здоровъ... Только почему-же его музыка была такъ печальна?...

Прошло два дня, а дядя Павлуша все еще не показывался въ усадьбѣ. Таня все еще не могла набраться храбрости, чтобы пойти къ нему на мельницу во второй разъ, но часто выбѣгала изъ усадьбы, добѣгала до половины холма и оттуда прислушивалась къ звукамъ, которые долетали до нея отъ дяди. Полная мыслей, вся предаваясь мечтамъ, она садилась на траву у тропинки и старалась слушать...

На третій день она не сумѣла преодолѣть искушенія и побѣжала на мельницу. Дверь къ дядѣ на этотъ разъ оказалась открытой, но... виолончель молчала.

— Какъ-бы я желала войти туда... подумала Таня.—Какъ жаль, что дядя не любитъ видѣть у себя никого!

Она подошла еще ближе; теперь уже она была всего въ какихъ-ни-

Онъ сидѣлъ у стола, положивъ на него оба локтя и подперевъ голову руками.

будь въ трехъ—четырехъ шагахъ отъ мельницы и рѣшилась наконецъ подойти къ двери.

— Развѣ заглянуть, какія у дяди комнаты?.. подумала она. — Можетъ быть, я увижу его виолончель... Я такъ была-бы довольна! Но если онъ обидится?.. Если это доставитъ ему огорченіе?.. Я вовсе не хочу его огорчать...

Она подошла къ самой двери и заглянула черезъ нее внутрь. Но тамъ она не увидѣла ничего. Тогда она робко вошла въ домикъ и наконецъ увидѣла дядю. Онъ сидѣлъ у стола, положивъ на него оба локтя и подперевъ руками голову. Его виолончель лежала бокомъ на полу. Передъ нимъ было открыто Евангеліе; видно было, что онъ только-что его читалъ.

«Кажется, онъ плачетъ?» подумала она и сдѣлала два шага впередъ.

Но дядя Павлуша вовсе не плакалъ. Всегда такой радостный, веселый и забавный при людяхъ, онъ теперь о чемъ-то серьезно думалъ или старался что-то рѣшить.

Таня не въ силахъ была уже больше сдержаться и, позабывъ все на свѣтѣ, бросилась къ нему, обхватила его шею руками и стала его цѣловать въ лобъ, въ щеки, въ губы, въ глаза...

Онъ быстро вскочилъ съ мѣста и, узнавъ ее, радостно улыбнулся; лицо его вдругъ прояснилось, глаза засвѣтились и онъ ласково притянулъ ее къ себѣ.

— Это ты? Моя милая Таня? ска-

заль онъ нѣжно.—Какъ ты сюда попала?

Таня смутилась.

— Я знаю, отвѣтила она, — что ты не любишь, когда тебя беспокоятъ... Но мнѣ такъ хотѣлось тебя видѣть, что я не могла... Ты не сердись на меня?

— На тебя? спросилъ онъ все такъ-же нѣжно.—Но развѣ это возможно? Я только спрашиваю тебя, какъ ты сюда попала?

— Я хотѣла прибѣжать къ тебѣ, когда ты еще былъ боленъ... А затѣмъ я слышала, какъ ты игралъ... Я два раза была около тебя, но все боялась войти... Вчера и третьяго дня...

— Неужели?

— Да... Мнѣ такъ хотѣлось увидѣть тебя, но я не смѣла... А сегодня я вышла послушать твою музыку, но ты уже не игралъ; тогда я подошла поближе, увидѣла, что дверь отперта, и вошла въ нее... О чемъ ты, дядя, такъ сейчасъ думалъ?

— А развѣ ты замѣтила, что я думалъ?

— Да... Ты сейчасъ сидѣлъ, взявшись за голову руками.

Онъ поднялъ голову и всталъ съ кресла.

— Я думалъ, Таня, о тебѣ... сказалъ онъ и глубоко вздохнулъ.— Мнѣ жаль, что ты одна, сирота, и что у тебя нѣтъ мамы и ты о ней ничего не знаешь... А между тѣмъ то благоговѣніе, съ которымъ ты приняла ея крестикъ, мнѣ ясно ука-

зало, что ты о ней думаешь и задаешь о ней себѣ вопросы... Кстати, ты не потеряла еще этого крестика?

— Нѣтъ, отвѣтила она.—Онъ и сейчасъ на мнѣ...

А потомъ она помолчала немного и спросила:

— А кто была моя мама?

Дядя Павлуша взялъ ее за руку и сказалъ:

— Пойдемъ!

Она послушно послѣдовала за нимъ. Не надѣвая шапки и такъ и оставивъ свое жилище незапертымъ, онъ сталъ спускаться съ нею съ холма.

— Ты, дядя, къ намъ?—спросила она.

— Да, отвѣтилъ дядя.

Нѣкоторое разстояніе они прошли молча. Наступилъ вечеръ, замычало вдаль стадо, закричали лягушки и отъ полевыхъ цвѣтовъ потянуло сладкимъ, медовымъ ароматомъ. То мѣсто, гдѣ закатилось солнце, было похоже на зарево пожара и на немъ темными пятнами обрисовывались елки, цѣлой семьей стоявшія на другомъ, далекомъ холмѣ. Гдѣ-то вдалекѣ ѣхали на тарантасѣ и слышался грохотъ его колесъ и заунывный плачь звонка. Въ низинахъ подымался туманъ.

— Я давно уже ожидалъ, началъ дядя Павлуша,—что ты рано или поздно задашь мнѣ вопросъ: кто была твоя мать? Я и самъ рассказалъ бы тебѣ обо всемъ, но не хотѣлъ

нарушать спокойствія твоей души. А теперь слушай, что я тебѣ скажу!..

Таня вся превратилась въ слухъ. — Я не знаю, кто была твоя мама, продолжалъ дядя Павлуша.—Я видѣлъ ее только однажды, въ тотъ ужасный вечеръ, когда горѣлъ нашъ пароходъ и когда она сама вручила тебя мнѣ... Я привезъ тебя сюда, въ Россію, и сталъ воспитывать тебя, какъ умѣлъ, и вотъ ты теперь здѣсь.

И онъ рассказалъ ей все, какъ плылъ когда-то на пароходѣ черезъ океанъ, какъ горѣлъ ихъ пароходъ, какъ ея мать въ послѣдній разъ вынырнула тогда изъ волнъ и послала своей дочери послѣдній привѣтъ и какіе ужасы ему пришлось испытать, сидя на мачтѣ съ ребенкомъ на рукахъ.

Она слушала его, широко раскрывъ глаза и стараясь не проронить ни одного его слова. Сердце у нея билось, колѣнки дрожали, она не сознавала, какъ шла и что дѣлалось вокругъ нея. Она поняла теперь, что дядя Павлуша былъ ей вовсе не дядя, а кто-то чужой, и чувство еще большаго одиночества безнадежно наполнило всю ея душу.

— Что-же теперь дѣлать?.. шептала она.—Что-же теперь дѣлать?.. Зачѣмъ ты мнѣ все это рассказалъ?

И слезы градомъ заструились у нея по щекамъ. Затѣмъ она взвизгнула и бросивъ дядю Павлушу, со всѣхъ ногъ побѣжала отъ него къ себѣ въ усадьбу. Онъ побѣжалъ за нею, но ему было ее не догнать, она

Таня не въ силахъ была уже больше сдержаться и, забывъ все на свѣтѣ, бросилась къ нему и стала его цѣловать.

спускалась уже внизъ съ холма и онъ видѣлъ, какъ у нея сорвалась на бѣгу шляпа съ головы и повисла на шеѣ на резинкѣ и какъ во всѣ стороны развивались ея волосы.

— Вернись! Подожди! кричалъ онъ ей вслѣдъ и ему уже было досадно, что онъ сообщилъ ей то, что до сихъ поръ составляло тайну для всѣхъ.

Она не отвѣтила ему. Быть можетъ, она не слыхала его вовсе, а можетъ быть и не хотѣла слышать, и вскорѣ совсѣмъ исчезла за поворотомъ дороги.

Онъ остановился и перевелъ духъ. Онъ видѣлъ затѣмъ, какъ она снова мелькнула ему изъ лѣса и наконецъ вбѣжала въ большія ворота усадьбы.

«Что она хочетъ дѣлать?» подумалъ онъ.

маль онъ.—«Почему она такъ скоро убѣжала?»

И встревожившись не на шутку, онъ удвоилъ шагъ и сталъ быстро спускаться съ холма.

Закатъ погасъ, темныя ели стали еще темнѣе и кругомъ затрещали соловьи. Откуда-то сбоку потянуль ароматъ какихъ-то душистыхъ цвѣтовъ, похожихъ запахомъ на липу, и слышно было, какъ на деревнѣ заиграли въ свирѣль.

Таня вбѣжала въ домъ, обѣгала всѣ комнаты и снова выскочила въ садъ. Вдалекѣ, на площадкѣ разла-вались голоса мальчиковъ и дѣвочекъ, игравшихъ въ крокетъ. Она знала, что старшіе уѣхали на станцію, и по тишинѣ, царившей во всемъ домѣ, догадалась, что они еще не возвращались. Тогда она побѣ-

Дядя-Павлуша взялъ ее за руку и сказалъ:
— Пойдемъ.

Таня перестала плакать и посмотрѣла на нее удивленными глазами.

жала къ площадкѣ, издалика оглядѣла всѣхъ игравшихъ, забѣжала въ кухню, словно кого-то ища, и затѣмъ со всѣхъ ногъ бросилась въ комнату къ гувернанткѣ.

Тетя Нелли сидѣла на креслѣ у окна и вышивала. Завидѣвъ влетѣвшую къ ней, какъ вихрь, дѣвочку, она подняла голову и почти испугалась.

— Что съ тобой, Таня? спросила она.— Ты бѣжала? На тебѣ лица нѣтъ!

Таня подскочила къ ней, схватила ее за шею, зарыла свою головку на ея груди и громко разрыдалась.

— Да что съ тобой? удивилась гувернантка.— Успокойся и расскажи, что съ тобой случилось? Тебя кто обидѣлъ?

Но Таня отрицательно закивала головой.

— Такъ что-же? Отчего ты плачешь?

Таня прижалась къ ней еще тѣснѣе и, пересиливъ рыданія, отвѣчала:

— Я сейчасъ была у дяди Павлуши и онъ сказалъ мнѣ, что моя мама утонула.

— Утонула? удивилась тетя Нелли.— Гдѣ? Когда?

Какъ могла, Таня рассказала ей все.

Словно какая-то завѣса вдругъ стала спадать съ глазъ у гувернантки.

— А ну, повтори еще разъ то, что ты сказала...

Захлебываясь отъ слезъ, Таня повторила свой рассказъ.

— Странно... сказала гувернантка.— Гдѣ это я то-же самое слыхала?

И, приложивъ руку ко лбу, она стала мучительно припоминать.

На утро былъ испеченъ громадный крендель, такой громадный, что его несли въ корзинкѣ горничная Настя и Коля вдвоемъ.

— Да... продолжала она.—Горѣлъ пароходъ... Какой-то горбатый господинъ съ необыкновенно-добрымъ лицомъ стоялъ около мачты и только онъ одинъ не боялся ничего... Затѣмъ, когда уже всѣ бросили пароходъ, то онъ остался на немъ одинъ съ какимъ-то матросомъ и съ ребенкомъ на рукахъ... Тебя зовутъ Таней, но ту звали... ту звали... Ахъ, дай Богъ память!.. Да! Ту звали Тата! Но гдѣ это я читала? Кто былъ этотъ горбатый господинъ и кто была эта Тата?

Таня перестала плакать и посмотрѣла на нее удивленными глазами.

— Да, да... продолжала припоминать тетя Нелли.—Точь-въ-точь такой-же горбатый, какъ и дядя Павлуша... И такъ-же горѣлъ пароходъ!..

Въ это время Таня поправила на себѣ волосы и встряхнула головой. Золотой крестикъ, данный ей дядей Павлушей, выскочилъ у нея изъ-подъ сорочки и такъ и остался висѣть снаружи.

— А это что на тебѣ за крестъ? вдругъ воскликнула гувернантка и поблѣднѣла, какъ полотно.

Губы ея задрожали и она схватилась рукою за грудь.

— Это далъ мнѣ дядя Павлуша, отвѣтила Таня.—Онъ сказалъ, что это крестъ моей мамы, которая потонула... Она надѣла его тогда на меня...

Гувернантка вспыхнула и прильнула ко кресту губами.

— Это онъ, это мой крестъ! зашептала она.—Теперь я вспоминаю, теперь я припоминаю все!

И, радостная, закатившись веселымъ смѣхомъ, она откинулась на спинку кресла, на которомъ сидѣла, и затѣмъ стала громко плакать. Таня смотрѣла на нее во всѣ глаза и не понимала, въ чемъ дѣло.

Наплакавшись до-сыта, тетя Нелли схватила дѣвочку въ объятія, прижала ее къ себѣ и стала покрывать ее безумными поцѣлуями.

— Моя... Моя... говорила она.—Моя милая Тата!.. Наконецъ-то ты нашлась! Наконецъ-то я увидала тебя, моя милая, дорогая дочурка!

Теперь Таня поняла все.

— Мама!.. Мама!.. взвизгнула она и бросилась къ матери на шею.

Въ это время къ нимъ вошелъ дядя Павлуша. Увидѣвъ эту нѣжную сцену, услышавъ эти слова, онъ остановился у порога, какъ вкопанный, и съ благоговѣніемъ поднятъ глаза кверху.

— Возможно - ли?.. проговорилъ онъ.—Неужели, Господи, ты внялъ моимъ молитвамъ и возвратилъ этой дѣвочкѣ ея мать?..

А мать и дочь въ это время носились по комнатѣ и отъ радости не знали, что дѣлать. Наконецъ тетя Нелли увидала дядю Павлушу и лицо ея просіяло еще больше.

— Это онъ! закричала она.—Это онъ спасъ мою дочь! Теперь я все отлично припоминаю! Это онъ воспиталъ тебя, моя милая Тата!

И она подбѣжала къ дядѣ Павлушѣ, обняла его за шею и горячо поцѣловала его въ лобъ.

— Спасибо вамъ! сказала она.

Онъ взялъ ея руку и поднесъ ее къ своимъ губамъ. Двѣ благородныя слезы скатились у него по щекамъ.

— Теперь ужъ вы не одиноки... сказалъ онъ.—У васъ есть дочь, а у Тани есть мать.

И, глубоко вздохнувъ, онъ продолжалъ:

— А я... Я лишился въ Танѣ всего, что имѣлъ.

И, повернувшись, онъ вышелъ изъ комнаты и грустно, одиноко, побрелъ къ себѣ на мельницу домой. Никто не замѣтилъ, какъ онъ ушелъ. Тетя Нелли и ея дочь побѣжали въ садъ, чтобы объявить всѣмъ о случившемся, а онъ шелъ, понуривъ голову, и повторялъ:

— Теперь ужъ я одинъ... Одинъ на всей землѣ!..

Придя къ себѣ домой, онъ взялъ съ полу виолончель и сталъ на ней играть. Онъ не помнилъ, чтò игралъ и какъ, было-ли то чье-нибудь чужое сочиненіе, или его, но у него выходило хорошо и вся его душа вылилась въ звукахъ этой его музыки.

Какъ вдругъ у порога раздалась чьи-то дѣтскіе шаги и къ нему въ попыхахъ, вся блѣдная отъ усталости и боязни вечера, вбѣжала Таня.

— Идемъ, дядя! сказала она и ухватила его за руку.—Скорѣй!

— Куда? удивился онъ.—Зачѣмъ?

— Идемъ скорѣе къ намъ!

— Развѣ у васъ что-нибудь случилось?

Но Таня ничего не хотѣла знать, схватила его за рукавъ и насильно потащила его вонъ изъ мельницы.

— Да ты скажи, въ чемъ дѣло! умолялъ онъ ее.—Вѣдь ты не дала мнѣ времени даже надѣть шляпу... и убрать виолончель...

Она продолжала его тащить.

Онъ боялся отпустить ее одну и потому покорно послѣдовалъ за нею. Они оба бѣжали въ усадьбу, что было духу, она—широко развивая свои волосы, а онъ безъ шапки и безъ пальто. Глядя на нихъ издалека, можно было подумать, что за ними кто-нибудь гнался.

Прибѣжавъ въ усадьбу, Таня потащила дядю въ домъ и повела его прямо въ комнату къ гувернанткѣ.

Басиловы уже давно уѣхали на станцію и должны были скоро возвратиться, а дѣти разсыпались по парку и со всѣхъ сторонъ слышались ихъ голоса.

Заслышавъ шаги Тани и дяди Павлуши, тетя Нелли сама выбѣжала къ нимъ навстрѣчу.

— Что случилось? спросилъ ее дядя Павлуша, по лицу котораго каплями струился потъ и ко лбу прилипли взбившіеся волосы.

Гувернантка въ удивленіи пожала плечами.

— Дядя, громко сказала Таня.— Я не могу жить безъ мамы и не хочу

остаться безъ тебя! Сдѣлай такъ, чтобы мы всѣ вмѣстѣ остались навсегда!

Дядя Павлуша смутился, покраснѣлъ, поглядывалъ то на Таню, то на тетю Нелли и сказалъ:

— Я недостойнъ твоей мамы...

А тетя Нелли вспыхнула и твердо отвѣчала:

— Это я недостойна васъ! Я сочла бы за счастье быть женой такого человѣка, какъ вы.

Въ это время въ передней послышались голоса и вслѣдъ затѣмъ въ комнату ворвалась цѣлая толпа дѣтей и вслѣдъ за ними вошли и возвратившіеся со станціи ихъ папа и мама.

И увидѣвъ дядю Павлушу со всклокоченными волосами, безъ шляпы, дѣти бросились къ нему на шею; поднялись шумъ, гамъ, Басиловы узнали, что Таня—дочь гувернантки, и стали ихъ обихъ горячо поздравлять и цѣловать, пожимали руку дядѣ; затѣмъ всѣ гурьбой перебѣжали въ залу, кто-то заигралъ на роялѣ и всѣ пустились танцовать. Танцовали всѣ, кто какъ могъ и кто во что гораздъ, и было такъ весело, какъ никогда еще на бывало въ этомъ домѣ за все время его существованія. Развеселившійся дядя Павлуша танцовалъ вмѣстѣ съ дѣтьми за даму и смѣшно дрыгалъ ногой.

Таня торжествовала. Глядя на дядю, она не вѣрила своимъ глазамъ и отъ души хлопала ему въ ладоши. Въ этотъ вечеръ дѣтямъ было поз-

волено не ложиться спать до десяти часовъ.

На утро былъ испеченъ громадный, сдобный крендель, такой громадный, что его несли въ корзинѣ горничная Настя и Коля вдвоемъ. Онъ былъ поднесенъ въ качествѣ подарка тетѣ Нелли и дядѣ Павлушѣ. Они кланялись и благодарили.

Черезъ недѣлю въ сельской церкви, недалеко отъ Васильковъ, происходило вѣнчаніе. Таня ѣхала впереди съ образомъ и ей очень завидовали въ этомъ остальные дѣти. Говорили, что лучше, если съ образомъ поѣдетъ мальчикъ—Коля или Володя, но Таня ни за что на свѣтѣ не соглашалась уступить имъ это свое право.

— Дядя Павлуша и мама—мои, рѣшительно заявила она,—и я никому ихъ не отдамъ!

Возвратившись изъ церкви, пили шампанское, играла музыка и опять всѣ стали танцовать. И я тамъ былъ, то шампанское пилъ, на той свадьбѣ танцовалъ и съ тѣхъ поръ часто бываю у дяди Павлуши и у тети Нелли въ Петербургѣ. Они попрежнему играютъ на рояли и на віолончели и любятъ угостить, когда къ нимъ придешь. Таня выросла, учится въ гимназій и года черезъ три уже кончитъ курсъ. У нихъ часто бываютъ Басиловы, а когда наступаетъ весна, то обѣ семьи попрежнему ѣдутъ на дачу въ Васильки.

М. Б—скій.

ВЪ СВЯТУЮ НОЧЬ.

Святая ночь!.. Въ такую ночь, какъ эта, Покинувши овецъ, въ глубокой вѣрѣ,
 Когда - то далеко явилась вдругъ звѣзда, Чрезъ ярко - освѣщенные звѣздой мѣста
 И передъ яркостью ея таинственнаго свѣта Толпою пастухи пришли къ пещерѣ
 И увидали тамъ Христа.
 Склонились пастухи и ихъ стада. Въ такую ночь звѣзда волквямъ до-
 рогу
 Въ такую ночь слышалось вдругъ пѣнье Въ пустынѣ указала прямо въ Вие-
 леемъ;
 И сонмы ангеловъ явились безъ конца Они пришли туда и поклонились
 И пѣснь ихъ привела всѣхъ души въ Богу
 И вѣрою зажгла суровыя сердца. И о рожденіи Его рассказывали
 всѣмъ.

И каждый годъ съ тѣхъ поръ, вели-
 кихъ и давнишнихъ,
 Въ такую ночь въ церквахъ намъ
 возглашаетъ клиръ:
 — «Да будетъ слава Богу въ вышнихъ,
 Да будетъ въ челоуѣцѣхъ миръ!»

Ирисъ.

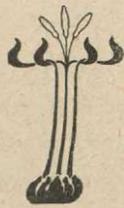

НА ЗАРѢ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Историческая повѣсть.

(По Ben-Hur, by Lew. Wallace).

(Продолженіе).

VI.

Гуду довели до моря и здѣсь, за- мѣстамъ, и этотъ трудъ считался са-
 ковавъ его въ цѣпи, сдали въ катор- мымъ ужаснымъ и самымъ беспощад-
 жныя работы. Въ то время еще не нымъ изъ всѣхъ каторжныхъ работъ.
 было паровыхъ машинъ и огромные Внутри корабля, въ темнотѣ и духо-
 суда и корабли плавали по морю на тѣ, тянулись вдоль бортовъ три ряда
 парусахъ, а когда не было попутнаго скамеекъ во всю длину судна, при-
 вѣтра, то на веслахъ. Веслами гребли чемъ онѣ были расположены такъ,
 каторжники, прикованные къ своимъ что второй рядъ помѣщался повыше

перваго, а третій — выше второго. Гребцы на первой и второй скамьях сидѣли, а на третьей, имѣя болѣе длинныя весла, должны были стоять. Ручки у веселъ были налиты свинцомъ. Отверстія, черезъ которыя весла выходили изъ корабля въ море, служили единственными путями, которыми воздухъ проникалъ къ этимъ несчастнымъ. Свѣтъ падалъ на нихъ сверху, сквозь рѣшотку. Сообщенія между ними не допускалось. Изо дня въ день гребцы сидѣли на своихъ скамьяхъ, не произнося ни слова; они не могли видѣть другъ друга, такъ какъ все время гребли и головы ихъ непрестанно качались отъ напряженія. А когда выпадалъ на ихъ долю ничтожный отдыхъ, то они засыпали или ѣли, чтобы почти тотчасъ-же прервать сонъ или ѣду и приниматься за дѣло снова. Они никогда не смѣялись и никто не слыхалъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ пѣлъ. И къ чему слова?—когда стонъ или тяжкій вздохъ вполне понятно выражали то, что каждый изъ нихъ думалъ или выстрадалъ въ душѣ. Жизнь этихъ несчастныхъ каторжниковъ протекала подобно подземному ручью, тихо, въ тяжкомъ, кропотливомъ трудѣ, хотя и безнадежно стремясь вырваться на волю. Здѣсь были люди почти всѣхъ націй, большею частью военнопѣнные или осужденные за преступленія. Ихъ тяжкій трудъ лишалъ ихъ возможности развиваться умственно и они тупѣли. Это были безсловесныя, терпѣливыя

твари, по спинамъ которыхъ часто прохаживался кнутъ ихъ досмотрщика. Будучи умственно притупленными, они жили немногими, но дорогими для нихъ воспоминаніями, и такъ и погибали, не увидавъ больше никогда своихъ родныхъ и близкихъ сердцу.

Не было ни малѣйшей надобности запоминать имена этихъ каторжниковъ. Ихъ отправляли на корабли, какъ въ могилу, и потому имена ихъ замѣнили номерами, написанными на той скамѣ, къ которой каждый изъ нихъ былъ прикованъ.

Одинъ изъ такихъ кораблей плылъ во главѣ цѣлаго флота по Средиземному морю. Имъ предводительствовалъ римскій трибунъ Аррій, который былъ посланъ императоромъ, чтобы переловить морскихъ разбойниковъ и очистить отъ нихъ Средиземное море.

Его корабль былъ больше и лучше всѣхъ и число каторжниковъ, которые гребли въ немъ веслами, было значительнѣе, чѣмъ на другихъ. Зоркій взоръ досмотрщика, который прохаживался вдоль ихъ рядовъ съ плетью въ рукахъ, остановился наконецъ на номерѣ шестидесятомъ.

Падая сверху сквозь рѣшетчатый люкъ, свѣтъ освѣщалъ всю изогнутую въ три дуги отъ напряженія фигуру каторжника-гребца, который носилъ этотъ номеръ. Онъ былъ голъ, какъ и всѣ другіе, и только имѣлъ кусокъ матеріи у пояса. Онъ былъ молодъ, лѣтъ двадцати одного

или двухъ. Быстрота и легкость его движеній могли въ началѣ навести на мысль, что онъ плохо исполняетъ свою работу; но сомнѣнiе скоро исчезло: твердость, съ которой онъ держалъ весло, и быстрота, съ которой онъ погружалъ его въ воду и поднималъ, доказывали въ немъ громадную силу, соединенную съ ловкостью. Каждый мускуль его тѣла рѣзко обрисовывался на немъ, черты лица его отличались выразительностью и благородствомъ и отъ всей его фигуры вѣяло нѣжностью и красотой.

Это былъ Иуда изъ рода Бенъ-Хуръ, тотъ самый Иуда, съ которымъ мы встрѣчались въ Иерусалимѣ. Нечаянно сброшенная имъ съ крыши черепица стоила ему свободы и вотъ онъ находился теперь на кораблѣ римскаго трибуна Аррiя, гребъ весломъ и долженъ былъ принять участiе въ сраженiи съ морскими разбойниками и, въ случаѣ гибели корабля, вмѣстѣ съ нимъ пойти ко дну.

Весь флотъ плылъ по той части Средиземнаго моря, которая называется Ионической. Небо было ясно и дулъ попутный вѣтеръ. Сгорая отъ нетерпѣнiя, какъ бы поскорѣе сразиться съ морскими разбойниками, трибунъ Аррiй много времени проводилъ на палубѣ. Готовясь къ сраженiю, онъ внимательно изучалъ свой корабль, присматривался къ нему и даже спускался внизъ, къ гребцамъ, чтобы лично осмотрѣть каждого изъ нихъ и убѣдиться, всѣ-

ли они достаточно сильны и надежны. Увидѣвъ Иуду, онъ остановился передъ нимъ, долго смотрѣлъ на него, а затѣмъ самъ себѣ сказалъ:

— Какой красивый молодой человѣкъ... Должно быть, этотъ каторжникъ изъ хорошей семьи.

И когда происходила смѣна, онъ позвалъ къ себѣ надсмотрщика и, указавъ ему на Иуду, спросилъ его:

— Знаешь-ли ты того человѣка, который встаетъ вонъ съ той скамьи?

— № 60-й? спросилъ надсмотрщикъ.

— Да.

Надсмотрщикъ внимательно оглядѣлъ Иуду.

— Онъ — еврей, отвѣтилъ онъ не сразу.

— Такой молодой, продолжалъ Аррiй, — и вдругъ уже здѣсь!

— Но онъ нашъ лучший гребецъ.

— А какого онъ нрава?

— Очень тихий и послушный. Только одинъ разъ за всѣ эти три года онъ и обратился ко мнѣ съ просьбой.

— Съ какой?

— Онъ попросилъ меня, чтобы я поочередно помѣщалъ его то на правую, то на лѣвую сторону корабля.

— Для чего-же это ему нужно?

— Онъ замѣтилъ, что люди, правящiе весломъ только съ одной стороны, становятся кривобокими.

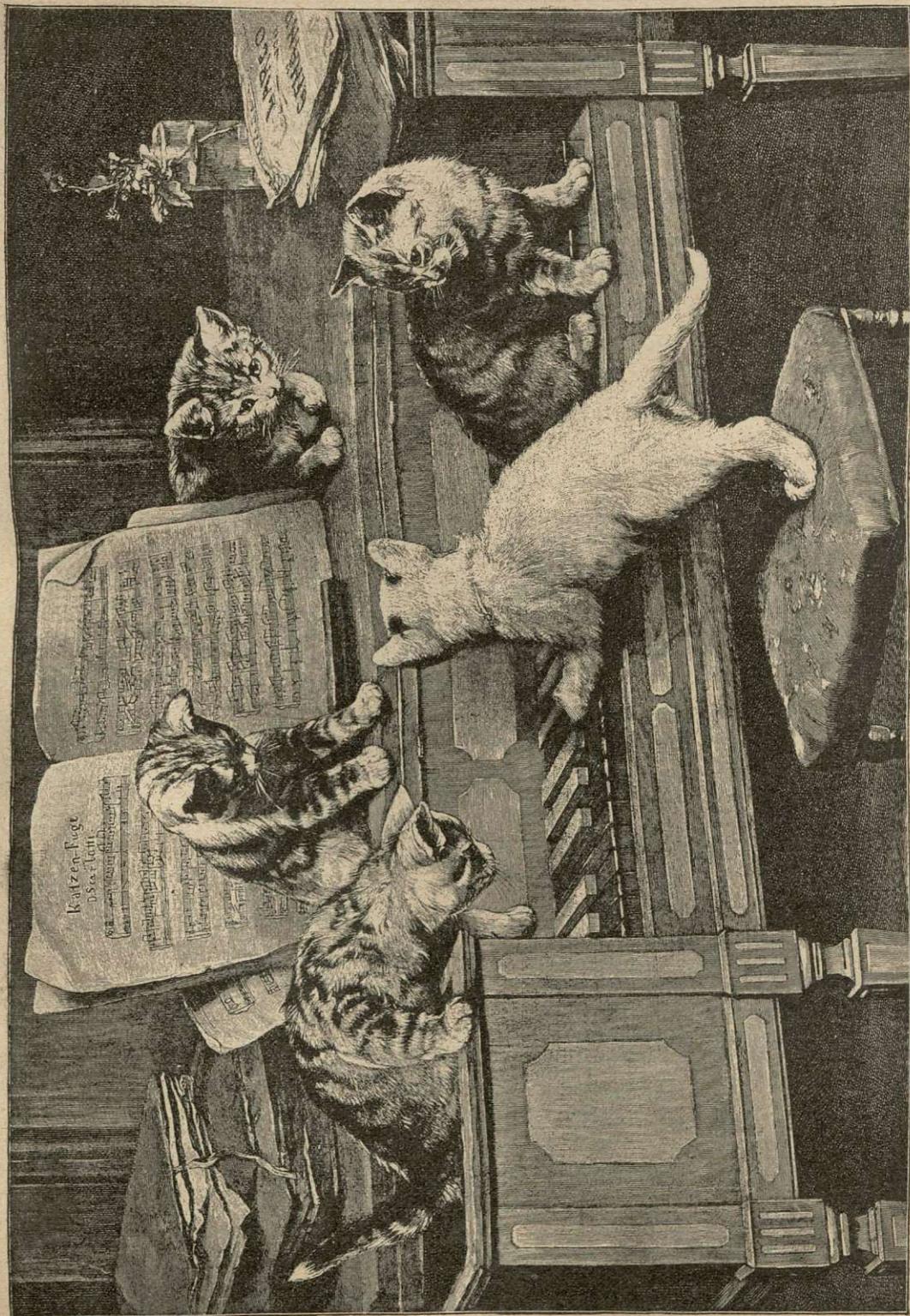
— Что еще ты замѣтилъ въ немъ?

— Онъ опрятнѣе своихъ товарищей.

— А каково его прошлое?

— Иди съ нами кататься на санкахъ!

Концертъ.

— Не знаю.

Трибунъ подумалъ немного и сказалъ:

— Когда я буду на палубѣ, то пошли его ко мнѣ.

— Слушаю.

Черезъ два часа Иуда уже стоялъ передъ Арріемъ на палубѣ. Трибунъ смотрѣлъ на его мужественную фигуру. Ясные, широко раскрытые глаза каторжника доверчиво смотрѣли на Аррія. Глубокое, затаенное горе свѣтилось въ нихъ и губы Иуды улыбались отъ радости, что онъ видитъ божій свѣтъ, волны и паруса и вдыхаетъ въ себя свѣжій воздухъ.

— Давно-ли ты работаешь? обратился къ нему Аррій.

— Около трехъ лѣтъ, отвѣтилъ Иуда.

— На веслахъ?

— Да.

— Работа эта очень трудна, а ты еще такъ молодъ.

— Мой духъ помогаетъ мнѣ ее преодолевать.

— Судя по твоей рѣчи, ты еврей?

— Да.

— Ты кто?

— Теперь я—каторжникъ и рабъ, а былъ княземъ въ Иерусалимѣ. Мой отецъ имѣлъ свои корабли и велъ торговлю съ самимъ Римомъ. Его знали даже тамъ.

— Его имя?

— Бенъ-Хуръ.

Трибунъ отъ удивленія всплеснулъ руками.

— И ты сынъ этого Хура?

— Да.

— Что-же привело тебя сюда?

Отъ свѣжаго воздуха Иудѣ сдѣлалось дурно. Но совладѣвъ съ собою, онъ доверчиво посмотрѣлъ въ лицо трибуна и отвѣчалъ:

— Меня обвинили въ покушеніи на жизнь губернатора Валерія Грата.

Онъ подошелъ поближе къ Аррію.

— Три года прошло со времени этого ужаснаго дня, продолжалъ онъ,—три года, о, трибунъ, страшныхъ, ежеминутныхъ страданій въ этой могилѣ и за все это время—ни одинаго словечка о родныхъ! Я забыть, но если-бы я и самъ могъ забыть! Если-бы я могъ изгладить изъ своей памяти послѣднюю сцену разлуки съ матерью, послѣдній взглядъ сестры! А для меня такъ мало нужно! Я уже не мечтаю о свободѣ, я только хотѣлъ-бы знать, что стало съ моими матерью и сестрой. Я слышу ихъ призывъ въ ночной тиши, я вижу иногда ихъ идущими ко мнѣ по водѣ. О, ничто въ мірѣ такъ не дорого, какъ любовь матери! А моя сестра Тирса! Какая нѣжная, добрая, изящная!.. Съ нею пасмурный день былъ для меня яснымъ утромъ... И я погубилъ ихъ!.. Я!..

— Признаешь-ли ты свою вину? спросилъ сурово Аррій.

Глаза Иуды засверкали.

— Ты слышалъ, трибунъ, о моемъ Единомъ Богѣ? отвѣтилъ онъ.—О томъ Богѣ, который создалъ весь міръ? Такъ я клянусь тебѣ Его именемъ, что я не виновенъ.

Трибунъ нахмурился.

— О, благородный римлянинъ! воскликнулъ Иуда.—Дай мнѣ хоть каплю надежды, пролей хоть лучъ свѣта во мракъ моей жизни!

Аррій прошелся взадъ и впередъ по палубѣ.

— Развѣ надъ тобой не было суда? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

Римлянинъ съ удивленіемъ поднялъ голову.

— Ни суда, ни слѣдствія? спросилъ онъ.—Кто-же приговорилъ тебя?

— Не знаю, отвѣтилъ Иуда.—Меня связали веревками и кинули въ темный подвалъ. Затѣмъ, на слѣдующій день солдаты отвели меня на берегъ моря и съ тѣхъ поръ я сталъ каторжникомъ.

— Что ты могъ-бы привести въ свое оправданіе?

Иуда разсказалъ ему все, какъ было дѣло.

— Кто былъ съ тобою, когда съ крыши свалилась черепица?

— Сестра моя Тирса. Оба мы перевѣсились черезъ перила, чтобы лучше разсмотрѣть проходившихъ мимо солдатъ. Черепица свалилась и упала прямо на Грата.

— Гдѣ была твоя мать?

— Внизу, въ своей комнатѣ.

— Что случилось потомъ съ нею?

Иуда стиснулъ кулаки и стонъ вылетѣлъ изъ его груди.

— Не знаю, отвѣтилъ онъ.—Я видѣлъ, какъ ее тащили, но дальше ничего не знаю.

Аррій слушалъ его съ большимъ интересомъ. Невинность Иуды была для него несомнѣнна и поступокъ Грата и Мессалы показался ему прямо звѣрскимъ. Неужели они изъ-за своихъ личныхъ выгодъ рѣшились смести съ лица землицѣлую семью? Онъ содрогнулся при одной только мысли объ этомъ и долго затѣмъ ходилъ взадъ и впередъ по палубѣ. По своей власти трибуна, онъ могъ-бы сейчасъ-же отпустить на волю Иуду, но находился въ нерѣшительности. Его власть была обширна. На своемъ кораблѣ онъ былъ неограниченнымъ властителемъ и въ то-же время что-то нѣжное привлекало его къ Иудѣ. Но нужно было узнать его поближе, убѣдиться, что онъ дѣйствительно былъ князь Бенъ-Хуръ и не лгалъ. Рабы обыкновенно лгутъ.

И онъ громко сказалъ:

— Довольно! Убирайся къ себѣ на мѣсто!

Иуда поклонился и направился ко входу внизъ. Любуясь имъ, Аррій провожалъ его взоромъ.

— Вернись! вдругъ крикнулъ онъ ему.

Иуда остановился и трибунъ самъ подошелъ къ нему.

— Если-бы ты былъ свободенъ, спросилъ онъ,—то что бы ты сейчасъ-же сталъ дѣлать?

— Я не зналъ-бы покоя до тѣхъ поръ, просто отвѣтилъ ему Иуда,—пока не разыскалъ-бы своихъ мать и сестру.

— А если твоихъ матери и сестры нѣтъ уже въ живыхъ?

Иуда поблѣднѣлъ и отвернулся къ морю. Въ его душѣ происходила сильная борьба.

— Трибунъ, я скажу тебѣ всю правду, отвѣтилъ онъ. — Наканунѣ того страшнаго дня, о которомъ я тебѣ говорилъ, я получилъ отъ матери разрѣшеніе быть офицеромъ. Если-бы я былъ свободенъ, то поступилъ-бы въ римскія войска.

Аррій нахмурился.

— Иди, сказалъ онъ холоднымъ тономъ, — и не воображай о себѣ ничего. Ты вѣдь не римлянинъ, а еврей. Не съ твоимъ носомъ лѣзть въ благородныя римскія войска. Иди!

Немного спустя, Иуда уже снова сидѣлъ на своей скамьѣ, былъ прикованъ къ ней за одну ногу и работалъ своимъ весломъ.

А корабль все плыль да плыль. Вѣтерокъ едва рябилъ поверхность моря. Наступила ночь, и всѣ, кромѣ каторжниковъ легли спать: матросы на полу, а Аррій у себя въ каютѣ.

И разъ и два смѣняли Иуду, но заснуть онъ не могъ. Среди могильнаго мрака трехлѣтней ночи для него вдругъ забрезжился свѣтъ. Смерть, такая долгая смерть — и вдругъ — первый проблескъ воскресенія! Надежда наполнила его душу, сердце его замирало отъ радости и мести, которую онъ лелѣялъ въ себѣ къ Мессалѣ и Грату, отошла на задній планъ и всѣ горькія разочарованія казались для него теперь пустяками. И когда онъ такъ гребъ или лежалъ, стараясь заснуть, то жизнь еще казалась

для него прекрасной и стоившей того, чтобы еще страдать, домогаться, желать...

Какъ вдругъ наверху зазвучалъ колоколъ и раздался голосъ кормчаго:

— Вставайте! Вставайте!

Аррій всталъ, надѣлъ свой шлемъ, взялъ щитъ и мечъ и отправился къ матросамъ:

— Морскіе разбойники уже близко! сказалъ онъ. — Будьте готовы! Мы должны побѣдить ихъ или умереть.

— Да здравствуетъ трибунъ Аррій! воскликнули ему въ отвѣтъ матросы и стали вооружаться.

Всѣ на кораблѣ, и даже самый корабль, какъ-бы встрепенулись. Офицеры заняли свои мѣста. Солдаты выстроились въ рядъ. Кучи стрѣлъ и копій были вытащены на палубу. Были зажжены фонари. Иуда Бенъ-Хуръ слышалъ смѣшанные звуки послѣднихъ приготовленій: убирала паруса, растягивали сѣти, защищали бока корабля шкурами. Затѣмъ вдругъ воцарилась снова тишина. Это значило, что корабль былъ готовъ.

Всѣ сто двадцать каторжниковъ, сидя въ глубинѣ корабля, ощущали страхъ, свойственный людямъ, которыхъ помимо ихъ воли бросають въ опасность. Они не знали, ни куда они плывутъ, ни кто были ихъ враги, ни за что римляне будутъ сейчасъ сражаться, и это еще болѣе приводило ихъ въ ужасъ. Какъ вдругъ звукъ какъ-бы отъ плеска другихъ кораблей позади кормы ихъ судна

привлекъ вниманіе Бенъ-Хура. Корабль заколебался какъ-бы въ серединѣ водоворота. На палубѣ вдругъ раздался другой сигналъ, затѣмъ послышался звукъ трубы—полный, ясный и протяжный. Другіе звуки трубъ слышались гдѣ-то сзади, а спереди слышался отрывистый гулъ встревоженныхъ голосовъ. Затѣмъ раздался сильный толчекъ; гребцы пошатнулись, многіе изъ нихъ упали, наверху раздались пронзительные крики ужаса, заглушая звуки трубъ, и слышались трескъ и шумъ столкновения. Каторжники испуганно переглянулись другъ съ другомъ.

Крики, раздававшіеся справа и слева, спереди и сзади, слились въ неописуемый ревъ. По временамъ раздавался трескъ, сопровождаемый стономъ ужаса, указывавшимъ на то, что чьи-то корабли шли ко дну и ихъ команда погружалась въ воду. По временамъ внизъ къ каторжникамъ приносили окровавленныхъ и умиравшихъ римлянъ и клали тутъ-же на полу. Часто клубы дыма врывались внизъ, застилали сумерки и мѣшали дышать. Тогда Иуда понималъ, что они проходили мимо горѣвшаго корабля, на которомъ такіе-же каторжники-гребцы, какъ и онъ, прикованные къ своимъ скамьямъ, горѣли вмѣстѣ со своимъ кораблемъ.

Вдругъ корабль Аррія остановился. У переднихъ гребцовъ весла выпали изъ рукъ и сами они попадали со своихъ мѣстъ. На палубѣ раздался страшный топотъ. Остальные катор-

жники попадали отъ страха на полъ и закричали каждый на своемъ языкѣ. Бенъ-Хуръ оглядѣлся вокругъ. Для него теперь было ясно, что ихъ корабль сцѣпился съ разбойничьимъ и что битва началась уже на самомъ кораблѣ трибуна. Все трещало и ломалось. Невольники старались освободиться отъ цѣпей, но видя, что усилія ихъ тщетны, издавали отчаянные вопли. Одинъ только онъ, Бенъ-Хуръ, оказался неприкованнымъ. Его забыли приковать еще со времени его разговора съ Арріемъ, а можетъ быть и по тайному приказу Аррія. Онъ только сейчасъ замѣтилъ это и со всѣхъ ногъ бросился наверхъ. Выйдя на палубу, онъ увидѣлъ небо, обгоренное заревомъ пожара, море, усѣянное горѣвшими кораблями, битву на палубѣ, множество нападавшихъ морскихъ разбойниковъ и защищавшихся римлянъ. Какъ вдругъ полъ подъ нимъ провалился и онъ снова очутился у себя въ камерѣ для гребцовъ. Мгновенно вся задняя часть корабля отломилась, бока разсыпались въ куски и море ринулось въ него, кипя, пѣнясь и бурля. Ворвавшаяся волна подхватила Бенъ-Хура и понесла невѣдомо куда.

Поднялась буря и море стало бросать его изъ стороны въ сторону. Поднимаясь, онъ ухватился за какой-то предметъ и сталъ крѣпко за него держаться. Время, проведенное имъ подъ водой, показалось ему вѣчностью; наконецъ онъ всплылъ на поверхность и полною грудью вдохнулъ въ себя воздухъ.

Теперь онъ былъ свободенъ. Только-бы доплыть теперь благополучно до берега!

Вокругъ него плавали обломки кораблей, барахтались тонувшіе люди, колыхались волны и разстилался густой дымъ. Иуда старался плыть какъ можно скорѣе, держась за доску, которая была очень широка и плохо повиновалась ему, а между тѣмъ каждая секунда была дорога и если онъ не воспользуется сейчасъ своей свободой, то попадетъ опять въ плѣнъ, или къ римлянамъ, или къ морскимъ разбойникамъ, а то и другое сулило ему опять безконечныя каторжныя работы.

И когда онъ работалъ и рукой, и ногами, чтобы поскорѣе спастись, около него вдругъ высунулся изъ воды чей-то мѣдный шлемъ. Затѣмъ показались двѣ руки съ цѣплявшимися пальцами. Бенъ-Хуръ старался было избѣжать ихъ, но шлемъ выставлялся изъ воды, показалась и голова и теперь можно было узнать, кто это былъ. Крикъ радости вырвался изъ груди Бенъ-Хура. Онъ поймалъ утопавшаго свободной рукой и подтащилъ его къ доскѣ.

Это былъ трибунъ Аррій.

— Спасайся, трибунъ! воскликнулъ Иуда.—Ты проигралъ сраженіе, но это не помѣшаетъ еще тебѣ жить!

Трибунъ страннымъ взглядомъ измѣрилъ Иуду. Онъ еще не пришелъ въ себя. Отъ несвязныхъ вопросовъ о томъ, гдѣ онъ, кѣмъ и какъ именно спасенъ, онъ постепенно перешелъ

къ мысли о сраженіи, и сталъ задавать Иудѣ вопросы. Но Иуда и самъ не зналъ ничего и поэтому ничего не могъ ему отвѣтить.

— Ты спасъ мнѣ жизнь, сказалъ наконецъ Аррій.—Я открыто признаю это и, что бы ни случилось, отблагодарю тебя.—Я сдѣлаю для тебя все, что только можетъ сдѣлать римлянинъ, имѣющій въ рукахъ власть и возможность доказать на дѣлѣ, какъ онъ благодаренъ. Но дѣйствительно-ли ты сынъ князя Хура?

— Да, отвѣтилъ Иуда.—Вѣдь я тебѣ уже это говорилъ.

— Слышишь ли ты меня? опять спросилъ трибунъ.

— Слышу.

— Такъ вотъ выслушай меня. Знатные римляне имѣютъ обыкновеніе носить кольца. На рукѣ у меня есть одно. Возьми его.

Онъ протянулъ къ Иудѣ руку и тотъ снялъ съ нея кольцо.

— Надѣнь его на руку себѣ!

Иуда исполнилъ и это.

— У меня есть и деньги, и большія имѣнія, продолжалъ Аррій.—Съ этимъ кольцомъ ты отправься въ Римъ, покажи его моему управляющему и онъ тотчасъ-же отдастъ тебѣ все. Если-же я останусь живъ, то я освобожу тебя, возвращу тебя твоей семьѣ и твоему народу... Ты слышишь меня?

— Да.

— Такъ общайся именемъ того, что для тебя священнѣе всего, общайся мнѣ сдѣлать то, что я тебѣ

сейчасъ скажу, и исполнить такъ, какъ я укажу.

— Скажи сначала, что это такое будетъ?

Трибунъ глубоко вздохнулъ.

— Вотъ о чемъ я хотѣлъ попросить тебя, продолжалъ онъ.—Если намъ не суждено спастись, если насъ перехватятъ сейчасъ морскіе разбойники, то столкни меня съ этой доски и утопи. Слышишь? Клянись мнѣ исполнить это. Я плѣна не перенесу.

Иуда снялъ съ пальца кольцо.

— Возьми, трибунъ, назадъ свое кольцо, сказалъ онъ,—и съ нимъ всѣ твои имѣнія и богатства. Я не дамъ тебѣ клятвы и не совершу такого убійства. Я спасу тебя даже въ томъ случаѣ, если-бы самъ вторично попалъ въ плѣнъ. Возьми-же назадъ свое кольцо!

Аррій не шевельнулся.

— Ты не хочешь? спросилъ Иуда.— Такъ вотъ смотри!

Онъ бросилъ кольцо прямо въ воду. Аррій слышалъ плескъ съ того мѣста, гдѣ оно упало и потонуло, но даже и не взглянулъ туда.

— Ты поступилъ глупо, сказалъ онъ.—На твоёмъ мѣстѣ всякій другой поступилъ-бы совсѣмъ иначе. Съ этимъ перстнемъ онъ былъ-бы безумно богатъ. А я сумѣю умереть и безъ тебя! Я хотѣлъ быть полезнымъ для тебя, но ты этого не пожелалъ. Мнѣ жаль тебя!

По щекамъ Иуды струились слезы.

— Трибунъ! воскликнулъ онъ.— За три года моего рабства ты первый взглянулъ на меня, какъ на че-

ловѣка. Нѣтъ, нѣтъ, былъ и еще одинъ. Это былъ какой-то юноша въ Назаретѣ, когда меня гнали къ морю въ кандалахъ и онъ приласкалъ меня и далъ мнѣ пить. Я никогда ни забуду его глазъ и лица. Ты тоже первый поинтересовался узнать, кто я. Увѣряю тебя: скорѣе я умру за тебя, чѣмъ позволю тебѣ наложить на себя руки. Ты долженъ жить!

Въ это время на горизонтѣ показался корабль. Оба замолчали въ его ожиданіи.

— Посмотри на это судно, обратился къ Иудѣ Аррій.— Какой оно націи? Чье оно?

— Не знаю, отвѣтилъ Иуда.— Я не умѣю понимать національности кораблей.

— У римскаго судна всегда бываетъ на мачтѣ шлемъ!

— Такъ радуйся: это римское судно. Я вижу на немъ шлемъ!

Тогда Аррій поднялъ къ небу глаза.

— Возблагодари своего Бога такъ-же, сказалъ онъ,— какъ я теперь благодарю своихъ боговъ. Теперь мы спасены. Махай рукой, кричи, зови сюда на помощь! Спѣши, иначе будетъ поздно. Корабль не замѣтитъ насъ и пройдетъ мимо!

Иуда всталъ на доску, сталъ махать руками и кричать изъ всѣхъ силъ. Наконецъ они были замѣчены съ корабля, къ нимъ подплыли и взяли ихъ обоихъ на бортъ.

— Друзья мои, обратился къ римлянамъ Аррій.—Я вашъ трибунъ.

— Ура!! закричали римляне.— Да здравствуетъ трибунъ Аррій!!

Ахъ, какъ вкусно!

— Ну, вот и ѣлка!

— А это мой сынъ.

И онъ указалъ имъ на Іуду.

Іуда не вѣрилъ своимъ ушамъ.

— Да, продолжалъ Аррій, — это мой сынъ. Его фамилія такая-же какъ и моя, и онъ будетъ владѣть всѣмъ моимъ имуществомъ, сколько бы его ни осталось послѣ моей смѣрти.

— Ура!! снова закричали римляне и поставили паруса.

Корабль помчался на западъ и увезъ Іуду съ собою въ Римъ. Здѣсь трибунъ Аррій сдержалъ свое слово и усыновилъ себѣ Іуду.

И изъ подневольнаго каторжни-ка-еврея сталъ свободный римскій гражданинъ. И никто въ Іерусалимѣ этого не зналъ: ни Мессала, ни самъ губернаторъ Тиберій Гратъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ СОЧЕЛЬНИКЪ.

(Рождественскій разсказъ).

— Вотъ, возьмите еще эти яблоки, и не забудьте поклониться тетѣ Машѣ. Дорогу туда вы знаете. Все время идите прямо до мельницы, затѣмъ черезъ мостикъ налѣво въ просѣку, а тамъ ужъ будетъ и ея домъ!

— Хорошо, хорошо, тетя, отвѣтилъ маленькій Ваня. — Не бойся! Мы уже нѣсколько разъ бѣгали туда. Я наизусть знаю дорогу!

— Ну, такъ съ Богомъ, дѣтки! Завтра послѣ обѣда я прииду за вами, а сегодня мнѣ некогда: надо еще убраться, да и бѣлье домыть, а то бы и я проводила васъ. Будьте умниками, чтобы Боженька и вамъ что-нибудь послалъ на елку; да объ Анютѣ позаботься, Ваня! Она вѣдь маленькая!

— Хорошо, хорошо, тетя!

Мальчикъ взялъ за руку сестренку, закутанную въ толстый шерстяной платокъ, изъ-за котораго виднѣлись только глаза и вздернутый но-

сикъ, поклонился тетѣ, и бодро зашагалъ по улицѣ посѣлка.

Тетя посмотрѣла вслѣдъ удалявшимся дѣтямъ и снова вернулась къ своей работѣ.

— Бѣдныя дѣти! сказала она со вздохомъ, — ничего-то я не смогу подарить имъ къ празднику! Вотъ, можетъ быть, сестра Марья сдѣластъ для нихъ хоть что-нибудь...

А дѣти въ это время уже шли по дорогѣ изъ посѣлка.

Свѣтило яркое солнце на почти-безоблачномъ небѣ, но было холодно отъ рѣзкаго вѣтра, который дулъ надъ полемъ и гналъ передъ собою пушистый снѣгъ.

У Вани озябли уши и онъ поднял мѣховую воротникъ.

— Тебѣ не холодно, Анюта? спросилъ онъ сестру.

— Ноги озябли немного, отвѣтила дѣвочка. — Только я еще могу идти...

— О чемъ ты думаешь?

— Я думаю о младенцѣ-Христѣ; какъ ты думаешь, пошлетъ Онъ намъ сегодня что-нибудь? Вѣдь Онъ сегодня ночью родится...

— Конечно! убѣжденно отвѣтилъ Ваня. — Я слушаюсь, хорошо учусь и даже меня самъ учитель хвалилъ за стихи, которые я сказалъ ему безъ одной ошибки!

— Да, усумнилась Анята,—но вѣдь мы такъ бѣдны!

— На это Онъ не посмотритъ! Онъ видитъ, что мы дѣлаемъ все, что намъ приказываютъ, и знаетъ, что мы не злые и не обижаемъ никого... Онъ видитъ и знаетъ все!

— Значить, Онъ видѣлъ, пугливо спросила Анята,—какъ я взяла потихоньку яблоко вчера и... и...

— И что? спросилъ съ любопытствомъ Ваня.

— Я съѣла его и запила молокомъ, созналась Анята.—Это я выпила молоко, а не кошка! А ее бѣдную такъ побили за это, что она убѣжала со двора и долго не приходила... Мнѣ было жаль ее, но я боялась сказать всю правду!

— Это, нехорошо, упрекнулъ сестру Ваня.—Когда сегодня слетитъ къ намъ съ неба ангелъ съ елкой, то ты ему сознайся во всемъ и попроси прощенья. Онъ тебѣ и подаритъ что-нибудь.

— А какой этотъ ангелъ изъ себя?

— Да, по-настоящему, я этого и самъ хорошенько не знаю, продолжалъ Ваня.—Когда мама была еще жива, то она мнѣ рассказывала, что въ нынѣшнюю ночь съ неба слетаетъ прекрасный Ангелъ съ золотыми крыльями и приноситъ въ рукахъ ѣлку, которая такъ ярко блеститъ огнями, что ею можно освѣтить всю землю. Недавно я былъ у нашего батюшки и видѣлъ у него въ журналѣ картину. Тамъ былъ нарисованъ: «Рождественскій Дѣдъ». Старый такой, съ длин-

ною бѣлой бородой. Онъ сидѣлъ въ господскихъ саняхъ, и погонялъ бѣлыхъ лошадей. Сани дѣверху были нагружены разными игрушками и сладостями... Онъ ѣхалъ, а за нимъ летѣли Ангелочки, и, должно быть, для того, чтобы слѣдить за игрушками и не дать имъ упасть изъ саней.

— Знаешь, что, Ваня? воскликнула вдругъ Анята и глаза ея засверкали.—Я бы хотѣла, чтобъ мы встрѣтили сейчасъ такого-же Дѣда!

Въ это время они проходили мимо сельскаго кладбища, гдѣ была похоронена ихъ мать.

— А не зайти-ли намъ на кладбище, предложилъ Ваня,—поглядѣть могилку нашей мамы?

— Хорошо... отвѣтила Анята.—Только теперь всѣ могилы засыпаны снѣгомъ.

— Ничего! Мы его сгребемъ съ маминой могилки и положимъ туда яблочко. Мама увидитъ его съ неба и обрадуется. Пойдемъ!

Они зашли на кладбище, очистили могилку матери отъ снѣга и положили на нее самое лучшее яблочко

изъ тѣхъ, которыя дала имъ съ собою тетя.

Затѣмъ они прочли «Отче нашъ», какъ учила ихъ тетя, глубоко вздохнули и долго простояли около могилки.

— Милая мама! сказала вдругъ Анята. — Прикажи «Рождественскому дѣду», чтобы онъ и намъ принесъ что-нибудь сегодня на елку!

Ваня тоже мысленно подумалъ объ этомъ, но ничего не сказалъ.

Затѣмъ, они снова вышли на дорогу и зашагали по ней къ старой мельницѣ. Все время, идя по снѣжной равнинѣ, они не видѣли ничего, кромѣ голыхъ деревьевъ, которыя вытягивали свои сучья въ пустынную, сѣрую даль.

Постепенно стало темнѣть и холодный вѣтеръ все еще гналъ передъ собою снѣжинки, залѣплявшія дѣтямъ глаза и мѣшавшія имъ идти и узнавать дорогу.

Анята боязливо прижималась къ Ванѣ; онъ взялъ ее подъ-руку.

Уже давно онъ замѣтилъ, что они потеряли дорогу, но все еще подбадривалъ и себя и сестру, хотя у самого его отъ страха замирало сердце и стучало въ вискахъ.

Что, если они, дѣйствительно, сбились съ пути? Что если Анята простудится, заболѣетъ, или, чего Боже сохрани, даже умретъ? Тогда вся вина ляжетъ на него!

И крупныя капли слезъ закапали изъ его глазъ и повисли, какъ замерзшія жемчужины, на его мѣховомъ воротникѣ.

А Анята все тяжелѣе и тяжелѣе опиралась на его руку и жалобно говорила:

— Мнѣ спать хочется... Дай мнѣ поспать, Ваня; я такъ устала...

Ванѣ и самому уже давно хотѣлось спать. Онъ усталъ и еле волочилъ свои ноги. Онъ и не зналъ, что эта дремота была предвѣстникомъ того, что они замерзали. Нужно было бы бодриться и идти, но они подошли къ стоявшему невдалекѣ отъ нихъ дереву и, близко прижавшись другъ къ другу, присѣли у его ствола. Затѣмъ они почувствовали, какъ сильный и властный сонъ сталъ ихъ одолаживать и какъ глаза ихъ сомкнулись противъ ихъ желанія и воли.

Вдругъ, скрипъ санныхъ полозьевъ по снѣгу вывелъ Ваню изъ полубытья.

Звукъ становился всеяснѣеиближе.

Собравъ свои силы, Ваня вскочилъ на застывшія ноги и закричалъ:

— Мы здѣсь! Мы здѣсь! Возьмите насъ къ себѣ!

Высокія сани, запряженныя парой лошадей, остановились около дѣтей.

Къ задку саней была привязана большая елка. Сѣдой старикъ съ длинной бородой сдерживалъ фыркавшихъ лошадей.

Онъ смотрѣлъ привѣтливо, и, казалось, былъ удивленъ, увидѣвъ передъ собою дѣтей.

Ваня молчалъ и глядѣлъ, какъ во снѣ. Это и былъ тотъ самый «Рождественскій дѣдь», котораго онъ видѣлъ у батюшки въ журналѣ на картинкѣ. По крайней мѣрѣ, такъ ему показалось. Онъ смотрѣлъ на него, что-то шепталъ озябыми губами и чувствовалъ, что еще одна секунда и онъ снова заснетъ и, вѣроятно, теперь уже на вѣки...

— Да вы замерзаете!.. воскликнулъ старичокъ.—Вишь, какъ окоченѣли!.. Ну, дѣлать нечего, надо васъ брать съ собою...

И минутой спустя, дѣти, прикрывъ теплымъ мѣхомъ, уже сидѣли въ саняхъ и крѣпко спали.

Когда Анята снова открыла глаза, то она подумала, что все еще грезить:

На бѣломъ потолкѣ сіяла красной звѣздой хрустальная лампа, изливая нѣжно-розовый свѣтъ. Вокругъ нея по бѣлому полю вели хороводы веселые ангелочки, разбрасывая розы и васильки. Это было нарисовано на потолкѣ.

Пріятное тепло разливалось по всему тѣлу дѣвочки и, протянувъ руку, она ощутила шелкъ мягкаго одѣяла, которымъ была прикрыта. Теперь она замѣтила и русую головку Вани на другомъ краю постели.

— Ваня... прошептала она тихо и

тронула его за руку.—Мы, кажется, на небѣ?..

Ваня открылъ удивленные голубые глаза, закивалъ головою и отвѣтилъ:

— Должно быть, на небѣ... Вѣдь, кажется, Рождественскій дѣдь взялъ насъ съ собою?

Тутъ растворилась высокая дверь и красивая, стройная дама тихо подошла къ кровати, гдѣ лежали дѣти. Нѣжной и мягкой рукой она погладила ихъ по головамъ.

— Ну, что? Отдохнули? спросила она ихъ ласково.

— Да, отвѣтила Анята.

— Тогда вставайте! Будемъ всѣ вмѣстѣ ужинать.

Четверть часа спустя Ваня и Анята уже сидѣли въ роскошной столовой за большимъ столомъ, уставленнымъ всевозможными вкусными вещами.

Красивая дама подѣла къ дѣтямъ, и ласкою и добрымъ словомъ привлекла къ себѣ ихъ маленькія сердца. Они открылись ей, и дѣти довѣрили ей всѣ горести ихъ жизни.

Повѣдалъ ей Ваня о болѣзни и смерти ихъ мамы; о томъ, что отецъ его уже два года, какъ ушелъ въ городъ на заработки и, вѣроятно, тамъ тоже умеръ, и что заботятся о нихъ теперь только двѣ тети: Марія и Елизавета.

Разказалъ онъ ей и о томъ, какъ они шли къ одной изъ нихъ въ гости, какъ заблудились и чуть не замерзли на дорогѣ, и что если бы не «Рождественскій Дѣдъ», который нашелъ ихъ и доставилъ сюда, на небо, то они теперь спали-бы вѣчнымъ сномъ.

Дама слушала ихъ и улыбалась.

— Ну, а теперь пойдете, дѣтки, сказала она, — посмотримъ, не оставилъ ли «Дѣдъ» чего-нибудь и для васъ.

И она широко распахнула передъ ними двери.

Крикъ изумленія вырвался у обоихъ, когда они увидѣли роскошную, всю залитую огнями елку увѣшанную звѣздочками и сладостями.

На низенькомъ столѣ, покрытомъ скатертью, стояли чудесныя, дорогія игрушки.

Двѣ хорошенькія дѣвочки въ бѣлыхъ кружевныхъ платьицахъ, на которыя спадали золотыя кудри, подошли къ Ванѣ и Анютѣ и стали давать имъ конфеты, пряники и золоченые орѣхи.

Восхищенные и очарованные, они молча стояли и смотрѣли на елку.

Тихая, нѣжная музыка вывела ихъ изъ задумчивости. Дама сѣла за рояль и заиграла великую пѣсню Рождественской ночи:

«Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе!»

Дѣвочки подошли къ ней и стали пѣть.

— Видишь, Анюта, радостно воскликнулъ Ваня — «Рождественскій Дѣдъ» не забылъ о насъ!

Анюта счастливо улыбалась и крѣп-

ко прижимала къ груди прекрасную куклу, съ которой не хотѣла разстаться, пока наконецъ не раздался голосъ дамы:

— Теперь въ кроватку! Пора уже спать, малыши!—Уже десять часовъ...

Неужели такъ скоро минулъ этотъ счастливый сонъ?

Ваня и Анюта не хотѣли вѣрить себѣ и съ грустью побрели въ свою комнату. И вотъ они опять лежатъ въ мягкихъ постелькахъ, а красивая дама ласково гладитъ ихъ русыя головки. Цѣлые шесть часовъ промелькнули, какъ одна счастливая минута.

Вскорѣ крѣпкій сонъ охватываетъ дѣтей и они засыпаютъ, свернувшись въ калачики.

Ну, конечно, они были на небѣ и, конечно, эта дама и эти двѣ хорошенькія дѣвочки—ангелы, которыхъ послала къ нимъ ихъ уже давно умершая мать за тѣ страданія, которыя они испытываютъ теперь безъ нея!

На слѣдующій день утромъ ихъ уже мчали бѣлые кони по широкой дорогѣ, а съ неба, какъ пухъ, срывался рыхлый и частый снѣжокъ и мелкими звѣздочками ложился имъ на колѣни.

Закутанная въ громадную мѣховую шубу, дѣти сидѣли въ саняхъ и ими правилъ самъ Рождественскій Дѣдъ.

Анюта держала большую куклу, а у Вани на колѣняхъ лежалъ длинный ящикъ съ интересными игрушками.

За ними стояла корзина, изъ которой вкусно пахло разными закусками и сладостями.

«Рождественскій дѣдъ» подгонялъ рысаковъ и вскорѣ они остановились у избы тетки Марьи.

— Теперь выльзайте, обратился къ дѣтямъ дѣдъ,—и бѣгите поскорѣе въ тепло!

И онъ помогъ имъ выльзти изъ шубы, подалъ имъ корзину и, поцѣловавъ ихъ въ розовыя щеки, дернулъ за вожжи и умчался въ снѣжную даль.

Оглянувшись, они долго смотрѣли ему вслѣдъ, пока наконецъ онъ совершенно не скрылся изъ виду.

Увидавъ ихъ съ такой поклажей тетка Марья широко раскрыла отъ удивленія глаза.

— Откуда это у васъ вся эта прелесть? спросила она и развела руками.—Откуда вы сами? Гдѣ вы были?

— Отъ «Рождественскаго дѣда»! весело воскликнулъ Ваня.

— Онъ довезъ насъ на своихъ лошадяхъ до самаго неба, визжала отъ радости Анюта.—Мы были на небѣ и видѣли тамъ ангеловъ и елку!..

И долго потомъ обѣ тетки не могли добиться отъ нихъ никакого толку. Только впоследствии онѣ узнали, что ихъ подобралъ на дорогѣ сосѣдній землевладѣлецъ докторъ, возвращавшійся изъ города къ себѣ съ покупками для елки, и взялъ ихъ съ собой.

Но Ваня съ Анютой такъ и не поѣхали имъ и стояли на своемъ:

— Мы были на небѣ, говорили они,—и насъ возилъ туда Рождественскій дѣдъ!..

Вебергъ.

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

1) Зачѣмъ нѣкоторые люди обѣдаютъ не дома, а въ ресторанахъ?

(Предложилъ Бор. Дубовинъ).

2) Почему дѣти любятъ кататься зимой на конькахъ?

3) Почему необходимо учиться, чтобы быть образованнымъ человекомъ?

4) Что очень похоже на апельсинъ?

5) Какъ назвать пять дней недѣли подрядъ, не упоминая ихъ именъ, т. е. не говоря: «понедѣльникъ, вторникъ, среда» и т. д.?

4) Въ нашемъ уѣздѣ много селъ и деревень.

5) Послѣ смерти матери и отца дѣти были брошены на произволь судьбы.

6) Такъ далеко шкатулка съ деньгами была спрятана, что ее никто не могъ найти.

7) Такъ высоко залетѣлъ змѣй, что его даже не было видно.

8) Была у учителя такая масса учениковъ, что онъ едва справлялся съ ними.

II.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Названія какихъ домашнихъ животныхъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Скоро вамъ праздновать: черезъ полторы недѣли зажгутъ елку съ игрушками.

2) Въ деревенской лавкѣ продаются: рожь, овесъ, просо, бакалейные товары, чай, сахаръ, гвозди и деготь.

3) По рѣкѣ плыли ловцы съ сѣтями и ловили рыбу.

Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки и шуточные вопросы, будутъ напечатаны.

Названіе русскаго города на сѣверѣ Россіи состоитъ изъ 13 буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13.

Буквы 10. 5. 11. 12. 7 обозначаютъ строительный матеріалъ, 4. 9. 6. 7—цвѣтокъ, 10. 4. 5. 8. 7—то, чѣмъ топятъ печи, 3. 2. 7. 3. 4. 13—мѣсто, гдѣ даются представленія, 9. 12. 5. 4. 5. 12. 13—закуску, 3. 2. 3. 2. 4. 2. 8. 13—дикую птицу, 1. 11. 12. 5. 8. 13—названіе города на сѣверо-западѣ Россіи, 1. 5. 8. 9. 10. 13—часть уздечки.

Какія это слова и какой городъ задуманъ?

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ НА ЁЛКУ!

Полные экземпляры «Золотого Дѣтства» за истекшій годъ, со всѣми приложеніями, высылаются по **три рубля** за годъ. Въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ—**на 65 коп. дороже**. За пересылку: въ предѣлахъ Европейской Россіи и Закавказья по 45 коп. съ экз. и въ Западную Сибирь и Туркестанъ по 65 коп. съ экз. Въ Восточную Сибирь не посылается вовсе.

Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Біографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений.
- 5) Рассказы изъ жизни племенъ и народовъ.
- 6) Рассказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепіано.
- 10) Каррикатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) Романы, повѣсти и рассказы изъ Русской исторіи.
- 13) 12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ.
Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложенія.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р. и къ 1-му Апрѣля
остальные—1 р. 80 к.

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская, 3, уг. Пушкарской, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

➡ Подписной годъ съ 1-го ноября. ➡

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.